

Победители!

Журналисты внесли свой вклад в Великую Победу, 70-летие которой мы будем отмечать в 2015 году. Одни из них в годы войны были фронтовыми корреспондентами. Другие, сражаясь в стрелковых и минометных дивизионах, в бронетанковых войсках, в партизанских отрядах, уже после войны взяли за перо.

Еще два десятилетия назад на учете в Союзе журналистов Москвы состояло более двух тысяч участников Великой Отечественной войны. Время неумолимо сокращает ряды ветеранов. Сейчас их осталось около трехсот. О тех, кто по-прежнему в строю, наш рассказ

Начинаем публиковать воспоминания ветеранов о войне, а также рассказы о самих героях, приближавших День Победы. Просим коллег присылать нам материалы о журналистах – фронтовиках.

Василий Поляков

Василий Поляков: “ПЕРЕД СМЕРТЬЮ НА ВОЙНЕ ВСЕ РАВНЫ”

Василий Филатович Поляков. С 1943 года – корреспондент газеты “Слово бойца” 48-й армии. Участник Курской битвы, взятия Кенигсберга. После войны работал в “Известиях”, ТАССе, на

радио, помощником министра угольной промышленности СССР. Заслуженный работник культуры. Лауреат премии СЖ СССР. Почетный ветеран города Москвы.

– Война – жестокая штука. На ней умирали и выживали без всякой логики. Перед смертью на войне были все равны. Расскажу три эпизода.

1943 год. Форсирование Десны. Я перехожу из одного батальона к другому. Вдруг слышу противный протяжный свист. Мина! Мгновенно врастаю в землю. И точно – возле меня шлепается мина. Все, думаю, прощай, жизнь. Но мина взрыхлила землю, обдала ошмотьями грязи. Взрыва нет! В страхе поднимаю голову и вижу: торчит из земли хвост мины – стабилизатор. Потом мне рассказали, что на войне так случалось не однажды. Это были “подарки” угнанных в неволю советских людей, которые работали на немецких заводах Германии. Рискуя жизнью, они делали брак. Как часто потом я мысленно благодарил этого неведомого мне спасителя.

Другой эпизод. Белоруссия, освобожденный Бобруйск, 1944 год. Мы вошли в город. Воздух пропитан трупным запахом. На улицах рядом с искореженной техникой сотни убитых немцев. Под жарким солнцем трупы начали разлагаться. Прохожу мимо покореженного фургона с брезентовым верхом. Внутри сидит понурый фриц. Увидел меня, умоляюще просит: “Шиссен! Шиссен!” То есть: “Стреляй! Стреляй!” На безоружного, хоть и врага, рука не поднялась. Да и профессия у меня мирная – журналист. Пошел дальше. Через 15 минут возвращаюсь. В фургоне у стенки лежит тот самый фриц. Кто-то все-таки внял мольбе – пристрелил. В душе ничто не дрогнуло. Подумал, это расплата за тысячи погубленных жизней наших людей.

Третий эпизод. 9 мая 45-го. Группа офицеров решила отметить победу, собралась за ужином. Конечно, спиртное на столе, состояние радостное, возбужденное. Устроили праздничный салют – пальбу из пулеметов в потолок. Кто-то нажал на курок, и вместо потолка пуля угодила в сидящего на диване боевого

разведчика, который прошел всю войну и ни разу не был даже ранен. Нелепейшая смерть...

А еще я вспоминаю. Под тем же Бобруйском в деревне Марьина Горка подбегают ко мне вихрастые ребята: “Дядя, покажи медаль”. Как они выжили в этом крошечном огне... Наш фотокор успел заснять этот кадр. Он для меня – кадр Победы. Вот ради этого мгновения мы и гнали врага с родной земли.

Марк Славин

Марк Славин: “ЖУРНАЛИСТОВ НА ПЕРЕДОВОЙ ЛЮБИЛИ”

Марк Моисеевич Славин. Корреспондент дивизионной газеты “Наступление” 45-й дивизии. Прошел войну от Сталинграда до Берлина. Заслуженный юрист России, кандидат юридических наук.

***Когда готовилась эта публикация,
мы не знали, что в мае 2014 года Марка Моисеевича не станет.***

***Наш добрый товарищ окончил свой путь.
Он навсегда останется в нашей памяти...***

– В редакцию дивизионной газеты меня, 19-летнего рядового-связиста, взяли потому, что секретарь редакции был убит, а литсотрудник – ранен. Надо было срочно заполнять вакансию. Редактор Сергей Григорьевич Козякин изредка печатал мои стихи,

поэтому попросил комдива дивизии дать ему в помощь рядового Славина. Так я стал журналистом.

Едва ли не каждую заметку в газете сопровождал стихами. Козякин поддерживал меня и хотя считал стихи слабыми, простыми, но охотно их печатал. И солдаты любили читать стихи, в которых упоминались их фамилии.

Журналистов “дивизионки” на передовой встречали очень по-доброму. Наш главред завел такое правило: на передний край идешь, бери с собой 30– 40 листов бумаги. Замысел такой. Беседуешь, слушаешь рассказ солдата о вчерашнем бое, а потом один листок отдаешь ему, чтобы мог написать письмо домой. А передавая второй, обращаешься с просьбой: “Напиши в газету о товарищах, о том, как вчера отбивали немецкую атаку”. И так идешь по траншее, посидишь с солдатом, с командиром взвода, выкуришь “козью ножку” с командиром роты. Возвращаешься с позиций и забираешь корреспонденцию. Приносил в редакцию 5, 10 и даже 20 заметок. Писали солдаты коротко, но с чувством: о подвиге своих товарищей – пулеметчиков, снайперов, особенно о медсестрах, которые оказывали помощь тут же, на передовой. Их все любили. И мои стихи о них получались особенно проникновенными.

За три года – с 42-го по 45-й – наша редакция понесла тяжелые потери. Два сотрудника были убиты, трое тяжело ранены, трое контужены. И меня пуля не обошла стороной. Но повезло: пуля попала в медаль “За отвагу”. Пробила медаль, вошла в грудь, но до сердца не дошла. Из всех моих солдатских наград эта медаль – самая дорогая.

Петр Брайко

Петр Брайко: “БЛУЖДАЮЩИЕ ЗАСАДЫ” НАНОСИЛИ ВРАГУ МАКСИМАЛЬНЫЙ УРОН”

Петр Евсеевич Брайко, Герой Советского Союза, в годы войны – командир партизанского отряда в соединении легендарного Ковпака. Автор 15 книг, двухтомной монографии “Партизанская война”. Она стала настольной книгой для бойцов спецназа.

– Побеждают в войне не только оружием, но и умом. Во многих случаях воевать большим числом и не нужно, даже вредно. Я, например, будучи командиром сначала партизанского отряда, потом батальона, потом полка, никогда не оставлял в засаде больше 100 человек. Использовал тактику, которую назвал “блуждающими засадами”. Смысл ее в том, чтобы никогда не встречать врага в боевом порядке. Только в походном порядке.

Вспоминаю бой в Карпатах. Мы находились в окружении. Обороняться надо было в глубоком ущелье. По дороге наступало три немецких полка – численностью где-то 10 тысяч человек. А у меня 200 человек, вооруженных винтовками, автоматами и пулеметами, и одна противотанковая пушка, но и та без снарядов. И я знаю, что завтра утром эти 10 тысяч попрут. Вступать с ними в бой бессмысленно, нашего сопротивления хватит на 15 минут. Что делать? Говорю командиру взвода

разведки: пойдём посмотрим ущелье. Оказывается, оно длиной 5 км, узкое, и по нему протекает речка Быстрица и идет железная дорога. А местность на войне важнее артиллерии и танков. Я решил ночью на подходе к горному ущелью взорвать мосты и лишить немцев танков и артиллерии – вынудить наступать только пехотой. Так и сделали. Ночью все мосты наши минеры ликвидировали. И вовремя! Утром полки Крюгера двинулись без танков, пешком, в походных колоннах, не зная, где мы их встретим. Мы ждали их в каменных прикрытиях, приготовленных для нас самой природой, и атаковали из засады, когда прошли первых полтора батальона. Огонь встретил их в “мешке” на марше – с той и с другой стороны ущелья лежали по 60 человек моих бойцов. Мы пропустили колонну в этот “мешок” и за 15 минут уничтожили. Они не успели сделать ни одного выстрела. Сразу незаметно отошли в глубь ущелья на полтора километра и снова заняли удобные позиции. Наступать немцы смогли только через 6 часов. Пять часов понадобилось, чтобы убрать трупы. Мы их снова пропустили и снова встретили ураганным огнем на марше. На следующий день повторили атаки. В итоге за три дня расстреляли семь батальонов, не потеряв ни одного человека. Немцы дальше отказались наступать. Потом эту тактику мы с успехом использовали и в Польше – в лесах и на пересеченной местности. И каждый раз нам помогала ее величество местность! Немцы не могли использовать против нас ни транспорт, ни танки, ни артиллерию: они никогда не знали, где мы их встретим! В этом и состоит особая эффективность “блуждающих засад”.

Партизаны Ковпака прославились тем, что добивались побед малой кровью, нанося противнику сокрушительные удары.

Павел Кукушкин

Павел Кукушкин: “ПОСЛЕДНИЙ ЗАЛП НАШИ БАТАРЕИ ПРОИЗВЕЛИ 11 МАЯ 45-го”

Павел Васильевич Кукушкин. Командир отдельного гвардейского минометного дивизиона (“катюши”), участник Курской битвы, освобождения Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. После войны работал зам. начальника Воениздата. Генерал-майор в отставке.

– Журналистское крещение я получил не на войне, а уже в мирной послевоенной жизни. Но интерес к слову, к творчеству пробудился, конечно, на войне, после того как меня назначили начальником штаба минометного дивизиона. Что такое начштаба в боевых условиях? Командир дивизиона выдвигается вперед с одной из батарей и взводом разведки, а всеми действиями других подразделений руководит начштаба. Бой отгремел – начштаба садится и пишет боевые донесения, отчитывается за результаты залпа, за израсходованные снаряды. Часто донесения приходилось писать под бомбежками и обстрелами. Волей-неволей оттачивалось перо.

Всю войну я отпахал минометчиком. 9 мая страна праздновала победу над немецким фашизмом, а мы еще продолжали воевать.

Последний залп наша батарея нанесла по противнику, который не

принял условия капитуляции и спешил сдаться американцам, 11 мая 1945 года в городе Пршибрам. Уже освобождена Прага. Наша колонна движется из Брно в Йиглаву. Вдруг по радио слышим громкий призыв: “Позор! Позор!”. По-чешски это: “Внимание! Внимание!”. Подбегает чех, говорит, впереди движется большая колонна немецких танков. Я тут же отправляю с чехом начальника разведки дивизиона Сашу Башкова – определить голову колонны. Местным жителям приказываю немедленно освободить площадь – корректно объясняю, что могут быть неприятности от реактивной струи залпа. Никто не освобождает. Стоят с букетами цветов в руках, радостно машут руками. Сажусь в боевую машину, маховичком управления залпами кручу на цифру 1, с грохотом слетает снаряд. Направляющие подняты на пределе, под углом 45 градусов. Сзади от реактивной струи выбиваются из брусчатки булыжники. Толпа мигом исчезает. Начальник дивизионной разведки докладывает координаты немецкой колонны. Разворачиваюсь и даю залп четырьмя машинами по голове колонны. Башков сообщает: “Хорошо. Заряди еще раз”.

Танковая колонна разворачивается, головной танк выбрасывает белый флаг. Вперед выдвигается наша пехотная часть – разоружать и принимать капитуляцию.

Вот тут уж настало время для выражения чувств. Чехи повытаскивали наших ребят из машин. Затащили в дома, накрыли столы. Ликование было искренним. Три часа пробыли мы в плену у гостеприимных чехов.

Мне потом командир механизированного корпуса генерал Волков вначале выразил неудовольствие за то, что на три часа опоздали в Прагу. Я ему отвечаю: “Меня чехи в плен взяли”. Он в ответ улыбнулся: “И нас тоже”.

Без “катюш” победа досталась бы нам куда более дорогой ценой. Они наводили ужас на врага. Представьте залп только одной батареи – 4 установки по 16 снарядов. В сторону врага летит вулкан огня. Немцы знали, что после небольшого залпа могут последовать еще более мощные. Причем, когда противник поспешно

переходил к обороне, “катюши” разворачивались на удаление не более 3 км от его боевых порядков. Это позволяло накрывать огневые позиции в глубину до четырех и более километров. После такой залповой обработки враг нес тяжелые физические и особенно моральные потери. И активного сопротивления, как правило, уже не оказывал нашим и танкистам и пехоте. Немцы до конца войны боялись залпов “катюш”.

Неспроста все минометные части уже по факту формирования стали называться гвардейскими. Они это звание оправдали на войне с честью.

Галина Шергова

Галина Шергова: “У ЖЕНЩИН МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ ДВА ВОЗРАСТА”

Галина Михайловна Шергова. Литсотрудник газеты “На штурм” 5-й танковой армии, писатель, кинодраматург, лауреат Государственной премии СССР. Художественный руководитель многосерийного документального телесериала “Стратегия Победы” и других документальных работ о войне.

– Сообщение о том, что немцы вероломно напали на нашу страну, застало меня на одной из московских площадей. Из репродуктора доносился глухой голос Молотова. Мы, десятиклассники, отмечали выпускной вечер. Самый светлый день года враз стал самым хмурым.

Очень скоро я ощутила войну вполне конкретно. Был сформирован школьный отряд – рыть траншеи. Меня назначили командиром и отправили под Вязьму. Девчонки и мальчишки, мы еще не воспринимали войну всерьез. Когда над окопами пролетели первые немецкие самолеты, моя подружка вытащила пудреницу и крикнула: “Неужели немец станет бомбить таких красоток”. Потом в Москве мы дежурили на крышах, тушили во время бомбежек зажигательные бомбы.

Мои мама и папа были врачами. Они твердо решили – никуда из Москвы не уедем, появятся немцы – отравимся. К счастью, Москву отстояли. Я поступила на 1-й курс Литинститута. К 42-му году многие мои друзья уже воевали, и я тоже решила пойти на фронт.

Поскольку я подавала какие-то литературные надежды, директор института приехал к родителям, чтобы они отговорили меня. Но мама и папа были людьми очень нравственными и, хотя я была единственной дочкой, отпустили меня. Чего это им стоило, я поняла потом, когда после ранений возвратилась домой. Мама встретила меня в платице, которое я носила в 13 лет. А была она роскошная, цветущая дама.

Попала я в газету 5-й танковой армии Юго-Западного фронта. Редакция размещалась в вагончике железнодорожного состава. Вагончик этот перемещался вместе с линией фронта.

Весной 43-го на станции Лиски под Воронежем состав попал под бомбежку. Одновременно с нашим составом прибыл состав из освобожденного Сталинграда. Вышли из него веселой гурьбой девушки–разведчицы. Улыбаются: “Нам уже ничего не страшно. Мы прошли Сталинград”. Успела даже им позавидовать. А через 10 минут никого из них не осталось в живых – началась зверская бомбежка.

Я получила ранение в ногу и спину – снесло половину лопатки. Осколок прошел в сантиметре от головы. Дальше были скитания по госпиталям – перенесла в общей сложности 11 операций.

В 44-м уехала в Донбасс. Тогда было модно на освобожденных

территориях организовывать выпуски центральных изданий. “Комсомольская правда” организовала выездную редакцию и направила ее в Енакиево. Меня рекомендовал в газету известный поэт Семен Гудзенко, который работал в освобожденном Сталинграде. Кроме газет мы выпускали еще и плакаты, они вывешивались на самых видных местах города. Помню один такой плакат. На нем изображена крепкая девушка с отбойным молотком и подпись: “Мужчина на фронте. Девушка – в клеть! Скорее обушком успеи овладеть”. Это был плакат наших соперников – выездной редакции “Правды”. Главный редактор Семен Нариньяни мне говорит: “Ну вот, видишь, мы должны правдистов за пояс заткнуть”. Одну свою стихотворную “работу” сохранила в памяти: “Слово донбасцев – крепкое слово. Обещано к сроку – до срока готово!” Было приятно видеть развешанные по городу плакаты со своими строчками.

Люди жили трудно, ютились в хибарках, питались по карточкам. Город лежал в руинах. Одна из разрушенных домен стояла, накренившись, как Пизанская башня. Как ее можно было выпрямить – не понимала. Но смогли. Домну восстановили. Алое зарево реяло над Енакиевом. Стихи, посвященные этому событию, я назвала “Знамя над домной”.

9 мая 45-го года я встретила уже в Москве. Собрались друзья. Помню, пришел невысокий худощавый мужчина на двух костылях. Отбросил их на пол и произнес: “Все, кончено. Теперь они ничего с нами сделать не смогут”. Это был Зиновий Гердт. Потом мы с ним много лет дружили.

После войны я 20 лет не могла и не хотела ехать в Германию. Она была для меня чужой страной. Но случилось так, что однажды друзья собрали деньги на операцию, которую могли сделать только в Германии. Я поехала. Вместе со мной в больничной палате находились пять женщин-немок. Однажды возле общего умывальника я сняла рубашку, и они увидели мою искаленную лопатку. “Что это?” Я сказала, что фронтовое ранение. “Вы воевали?” – “Да”. Наступила тишина. Не знаю, о чем подумали они. Быть может, о том, что рядом с ними враг, который стрелял

в их мужей. Потом, когда я уезжала, все пятеро женщин вышли меня провожать. И мы расплакались. С тех пор Германия для меня раскрылась. Воют не народы – воют режимы. Народы расплачиваются за сумасбродства своих правителей. И расплачиваются в первую очередь женщины. Потому что самое страшное в войне то, что она лишает женщину пола, ее природного состояния. Победа 45-го вернула женщине женский облик. Не сразу, но вернула. С тех пор у женщин моего поколения два возраста. Первый – возраст по паспорту, и второй – возраст Победы. Поэтому мы и можем выглядеть на 20 лет моложе, поэтому и можем держаться, принимать святую ложь комплиментов. Даже сейчас, спустя 70 лет...

Лев Корзун

Лев Корзун: “МОСКВА САЛЮТОВАЛА В НАШУ ЧЕСТЬ”

Лев Игнатьевич Корзун. Командир 6-й стрелковой роты 65-й армии. После войны – начальник отдела журнала “Военная мысль”, “Военный вестник”, зам. главного редактора “Военно-исторического журнала”. Кандидат военных наук. Генерал-майор в отставке.

– В учебниках военной истории об этом событии написано так: “Прорыв главной группировки противника планировалось осуществить на заключительном этапе Курской битвы. 26 августа

1943 года началась Черниговско-Припятская операция Центрального фронта”.

Для меня эти строки – моя жизнь. Я хорошо помню, как начиналась та операция. В 8 часов 17 минут раздался первый залп “катюш” – десятки разрывов вздыбились на вражеской обороне в северной части Севска. И сразу же в дело вступила основная масса артиллерии. От выстрелов сотен орудий и минометов сотрясалась земля. Вскоре появилась авиация. На небольшой высоте над нами проносились “летающие танки” – штурмовики “Ил-2”. “Илы” буквально утюжили оборону противника. На смену штурмовикам на большей высоте прилетали пикирующие бомбардировщики. А вслед за ними величаво плыли сопровождаемые истребителями эскадрильи дальних бомбардировщиков, унося свой смертельный груз в более глубокий тыл противника. Незабываемая картина! Наступило возмездие за 1941 и 1942 годы.

По неопытности я и командиры взводов считали, что после такой артиллерийской и авиационной подготовки мы без особого труда освободим город. Если бы так... Оказалось, что много немецких огневых точек уцелело. Их оборудовали в подвалах каменных и деревянных домов. Бои приняли очаговый характер. Дрались группами по 10– 20 человек с каждой стороны.

Во время одной из контратак возникла критическая ситуация. Немцев было человек 20– 30. А около меня оказалось всего 10– 12 бойцов. И в этот момент у меня в магазине ППШ заклинило патрон. К счастью, как это ни кощунственно звучит, рядом лежал убитый ручной пулеметчик. Его руки, казалось, намертво сжимали ремень пулемета. Пришлось наступить на труп и буквально выдрать из его рук пулемет. Ложиться и прицеливаться было некогда. Я прижал обеими руками пулемет к правому бедру и открыл огонь. Меня поддержали остальные бойцы, и немцы отступили.

В это время что-то тяжелое ударило меня по ногам. Я упал как подкошенный. Чувствую, кровь по ноге потекла в сапог. Кто-то крикнул: “Старшего лейтенанта ранили!”. К счастью, поблизости

оказалось несколько санинструкторов.

Завершить освобождение Севска удалось лишь к полудню следующего дня. В медсанбате 31 августа мы прочитали в дивизионной газете приказ Верховного Главнокомандующего. Мы очень гордились тем, что в приказе отмечена наша дивизия и ей присвоено наименование Севской, что нам объявлена благодарность, а в Москве 31 августа будет проведен в нашу честь артиллерийский салют. Это был один из первых таких приказов и салютов.

Борис Соколов

Борис Соколов: “ФРОНТУ НУЖНЫ БЫЛИ КАДРЫ ПОБЕД”

Борис Александрович Соколов, фронтовой кинооператор, после войны – главный кинооператор Московского телецентра, художественный руководитель Центрального телевидения. Заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии СССР.

– В июне 41-го я еще учился на операторском факультете ВГИКа. Война поставила точку на учебе. Наши курсовые засчитали за дипломные и издали приказ об окончании института. Никого на фронт не взяли – отправили в эвакуацию, в Алма-Ату. Сначала на фронт посылали только опытных операторов, а мы были только ассистентами оператора. В Казахстане работал на студии кинохроники и бомбардировал телеграммами руководство института – отзовите меня и направьте во фронтовую группу. Ответ был один – нет возможности.

И только в 1944-м, в конце войны, все-таки отозвали. Но это я

сейчас так говорю – в конце войны, а тогда-то мы не знали – конец или не конец. Это был последний набор во фронтовые киногруппы. Я попал в киногруппу 1-го Белорусского фронта. Встретился там со своим однокурсником Мишей Посельским, с которым мы очень дружили.

Фронтовые операторы в штыковые атаки не ходили, не кричали: “За Родину! За Сталина!”. Перед нами стояла другая задача – снимать кадры сражения. Фронту нужны были не наши боевые подвиги, а кадры побед.

Именно побед. Установка понятная: показать героизм советских войск, бесстрашие и патриотизм советского солдата. Поэтому мы очень мало снимали отступления наших войск.

Мы сами лезли в пекло. Даже тогда, когда в этом не было необходимости. Профессионализм подавлял страх. Мы как-то с Мишей Посельским вернулись со съемок уличных боев. И вдруг я смотрю – у Миши пола шинели прострелена: нас где-то обстреляли, а мы даже не успели заметить.

У каждого из нас был пистолет, но это так – скорее для уверенности, как сейчас принято писать, для форс-мажорных обстоятельств. Нашим главным и единственным оружием была и оставалась кинокамера. Весила она от 3 до 3,5 кг, к ней прилагались несколько запасных кассет по 500 г каждая – “бобышки”, как называли их сами операторы. Одной такой “бобышки” хватало на минуту съемки. Ими мы забивали все карманы. И так снимали. Аппарат все время приходилось перезаряжать – в темном мешке, чтобы не засветить уже отснятые кадры. В общем, условия для съемок – не чета нынешним.

Самым сильным впечатлением войны стал для меня момент подписания немецкой капитуляции. Происходило это в столовой инженерного училища в пригороде Берлина – Карлхорсте.

Жуков вел всю церемонию. Произнес: “Введите делегацию”. Очень хорошо помню, как вошел начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, фельдмаршал Кейтель с маршалским

жезлом. Поднял жезл, ожидая приветствия, но никто на него внимания не обратил. Кейтель все время вставлял в глаз монокль, когда искал, куда поставить подпись под актом капитуляции. И себе смертный приговор подписывал фактически. В 46-м его казнили как военного преступника.

Из фронтовых операторов в Москве остался я один. А всего войну снимали 258 операторов. Каждый пятый из них погиб. Кадры кинохроники, которые они снимали и передавали в Москву, сегодня бесценные свидетельства. Вечная память вам, мои дорогие коллеги.

Евгений Ельшов

Евгений Ельшов: “БЫЛ ЧУДЕСНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК...”

Евгений Николаевич Ельшов. Корреспондент газеты “За Родину” 357-й стрелковой дивизии. После войны – главный выпускающий главной редакции иностранной информации ТАСС.

– 8 мая 1945-го. Курляндия. Иду с наступающим полком. Немцы изредка дают бой и отходят. Вдруг по цепи проносится весть: “Германия капитулировала! Конец войне!”.

Вернулся в редакцию и сдал свой материал в набор. У нас ничего не известно – сидят у приемника и ловят каждое слово. Добрался до нар и как убитый провалился в царство сна. Долго ли спал,

не знаю – чувствую, меня рвут на части и колотят чем-то тяжелым, словно прикладом, по всем местам.

– Просыпайся, болван! Победа! Все кончено! – всегда насмешливый старший лейтенант Никитин на этот раз выглядел серьезным и очень возбужденным.

Я это уже слышал сегодня и не верю: “Покажи!” Радиосводка: сегодня, 8 мая, Германия подписала акт о капитуляции. Завтра, 9 мая, объявляется всенародный праздник – День Победы.

Бежим в подразделения, по дороге – в медсанбат. Врываемся в первую же палатку и кричим: “Война кончилась, друзья!” Врачи и сестры целуются, прослезились. Девчата подняли визг – непонятно, смеются или плачут. Раненые приподнялись, пытаюсь встать и подойти поближе, их укладывают снова, успокаивая и нежно покрывая одеялами – те улыбаются. Заместитель командира батальона как сел посреди палатки, так и не мог встать, сидел, уставившись в одну точку. “Значит, конец...” Люди метались, бросались друг к другу, пытаюсь выказать свои чувства, только бы не быть одному.

Увы, не все собрались на победный клич друзей. Вчера наш полк потерял десять бойцов. Вечная им память...

Когда я прибежал в стрелковую роту, бойцы уже все знали, но сидели в окопах и отвечали на редкие выстрелы противника. Вялая перестрелка продолжалась до утра. Рассвет окончательно внес ясность в обстановку – стрелять уже не было смысла. Немцы, построив свои подразделения, готовили их к сдаче. Началось их разоружение. Это происходило в районе небольшого латвийского городка Кандава.

Ночью наши солдаты наткнулись на немецкий склад осветительных ракет и – то ли подвыпили, то ли от победного возбуждения – полсклада выпустили в воздух. Был чудесный фейерверк. Все думали, что так и надо, что действовали по указанию начальства. Лишь необычно затянувшаяся процедура раскрыла самочинность действий победителей. Но Победа списала это

нарушение устава.

Источник: газета «Московский Комсомолец»

№ 25341 от 30 апреля 2010 г.

Автор Василий Устюжанин.

К сожалению, не все герои материала дожили до сегодняшнего дня. Мы поставили на сайт информацию только о тех ветеранах, которые по-прежнему в строю. Также внесены некоторые изменения в текст.